

Советы

Буржуазия Алтайской

А. Козлов

1.

Год 1917-й подходил к концу. В Барнауле хохлычила зима, начались хороды снегопадов, буранов, морозов. Снег засыпал уличную грязь, город выглядел чистым, свежим, по-молодёжному. Лишь центральные кварталы, уничтоженные весенними пожарами, имели вид кладбища. Тянулись вверх кирпичные скелеты сгоревших зданий, ранее украшавших город. Стены бывших магазинов смотрели на мир пустыми глазницами оконных проемов. Там и сям одиночно торчали печные трубы.

Но жизнь в городе шла своим чередом. Возле Барнаулки шумел базар. Здесь раскинулись лабазы, ларьки, павильоны, теснились крестьянские подводы. Торговали поченным хлебом, мясом, маслом, медом, орехами, очинкой... Было где разгуляться бойкому перекушику-спекулюту и полидому купцу — не то, что в головной России.

Рыбкобородый, в тулуше, затянутом цветной опояской, хлопая соображими рукавицами, засыпает по-мушателей:

— Подходи, налетай, почти дарма! Бумажки не бером. Давай эвоникую, царскую! Ах нет? Проходи, мишки, не задерживай.

Крестьяне предпочитали обменять свой товар на одежду, нимы и твиды.

Недалеко от базара — другая картина. Возле распределительного пункта, что в Соборном переулке, с почтой мерзнут в очереди женщины рабочих, солдатки, беженцы из голодящих губерний. Здесь идет продажа муки по карточкам. Иногда бывают и промышленные товары: керосин, спички, инструменты. Нормы маленькие, а это цены посыльные.

В конце длинного «хвоста», у самой дороги, — высокий янголглазый подросток, явно высоросший из старенькой гимназической пичуги. Стоит, занятый своими думами. Он словно не замечает окружающего. Вдруг кто-то резко толкает его:

— Берегись!

Стрелой проносится пара холенных рымаков. Промелькнул профиль седока в добродушной епотовой шубе.

— С жиру бесится купчик, чуть парня не задавил, — зло заговорили в очереди.

Солдат, в надвигущейся на самые уши папахе, скрипнув деревянной ногой, прогудел:

Продолжаем печатать коллекционную повесть-легенду о завоевании и становлении Советской власти на Алтае. Публикуется пятая глава. Предыдущая глава напечатана в «Алтайской правде», № 240 — 243.

— Ничего, скоро отгуляются. Будет и у нас Советская власть! Поприкат ботаеев.

А перед глазами подростка снова встал ананкомый с детства пейзаж: родной дом среди дюн, свинцововые волны вечно беспокойного моря, серые корпуса рыбачьих лодок, крикливые чайки. Лягни... Теперь там хохлычила немцы.

Вспомнился красный вагон — «40 человек, 8 лошадей». Вспомнились люди, с которыми семья проделала путешествие от Балтийского моря до Барнаула...

Пройдут годы, и паренек станет известным автором романов, и среди них будет «Семьи Зиттаров». В этой книге он вспомнит о годах, прожитых на Алтае, передаст яркие впечатления о Барнауле, Бийске, осмыслит глубину и значение той сурьевой и беспощадной борьбы классов, которая развертывалась на глазах юноши из-под Риги.

Паренька, стоявшего в очереди, звали Вилисом Лацисом.

2.

В конце ноября в Барнаул возвращался делегат II Всероссийского съезда Советов Матвей Константинович Цаплин. Ему не было отдохнуть после утомительного пути. Товарищам хотелось знать подробности о работе съезда, о Ленине и о том, как Советы берут власть в Россию.

Поздний вечер. Угомонился город, погасли огнины в избах, только в Совете окно угловой комнаты светилось чуть ни до утра. Когда погасло электричество, зажгли керосиновую лампу.

Здесь собрались коммунисты, члены Совета. Неогранично смотрят в глаза Цаплину, а он, касаясь пальцами черных усов, рассказывает о главном:

— Пора нам от слов и революций переходить к делу. Красноярцы показали пример всей Сибири. Надо без промедления брать власть. Губернскому центру должно принадлежать первое слово.

— У нас решительный переход в силах, — поддержал Цаплина Пристягин.

— С нами Совет, пролетарские профсоюзы, Барнаульский гарнизон. Там ведь, товарищи военные?

— Гарнизон служит делу революции, — в один голос поддержали Казаков и Малюков.

— Как Красная гвардия, комиссар? — повернулся Пристягин к начальнику гвардии, члену губкома Устиновичу.

— Все двести красногвардейцев Барнаула готовы выступить по первому сигналу Совета.

— Нас поддерхит деревенская беднота, — продолжил Пристягин.

— Мелкобуржуазная масса колеблется. Смелыми действиями мы увлечем за собой значительную часть колеблющихся...

Расходились по домам под утро — бодрые, взвужденные. Архип Селезнев и Лолий Решетников по старой привычке долго бродили по засложненным улицам, смеялись, вспоминали, как прошлой зимой водили за собой жандармского шинка, пока тот не сбежал, боясь превратиться в сосульку.

Вот уже потянулись на стоянку первые извозчики. В морозном воздухе запахло дымком и печеным хлебом. Начинался новый день первого года революции.

3 декабря. На Народном дне состоялось собрание Барнаульского Совета. Зал был переполнен. Рабочие котировались перемежались с солдатскими выцветшими рубахами.

На сцене — Цаплин. Он склоняет взглядом прошахий махровый зад и думает в Ленине. Какими словами передать этим людям глубину ленинской мысли?

Доклад называется коротко и деловито: «Власть Советов и ее ближайшие задачи». Докладчик рассказывает о подвоено-революционном восстании в Петрограде, о работе II съезда Советов, деятельности Совнаркома.

Зал прислушался, пытаясь более осмысливать происходящее. Кто-то на

галерее возбужденно затормошил соседа: «Да ты только почувствуи! Власть-то самая национальная! Царю Николаю по шапке дали, а теперь буржуй пинком... Делого какое, братцы вы мои расчудесные!»

А Цаплин говорил:

— Совет должен взять власть в свои руки!

Ответом была буря аплодисментов.

Собрание постановило: «Всеми мерами и средствами добиться осуществления перехода всей власти на местах к Советам».

На другой день исполнком Барнаульского Совета сформировал Всено-революционный комитет под председательством М. К. Цаплина. 6 декабря вышел приказ исполнкома о распуске буржуазного «Комитета спасения революции» и передаче всей власти в Барнауле и губернии временному органу Совета — Всено-революционному комитету.

Опираясь на поддержку гарнизона, Всено-революционный комитет приступил к ликвидации местных органов Временного правительства. В Барнауле было введено военное положение.

По указанию комитета красногвардейцы и солдаты заняли все важные учреждения города: телефонную станцию, казначейство, вокзал, милицию, губернский комиссариат...

«Сего, 6 декабря, — говорилось в обращении ВРК к рабочим, крестьянам и солдатам, — вся южнота власти в Барнауле всей Алтайской губернии перешла в руки «Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые немедленно приступят к урегулированию всей хозяйственной жизни..».

У здания Совета целыми днями толпился народ. Суровые красногвардейцы, пимокаты — охрана Совета — весело улыбались.

— Проходи в Совет, товарищи! Праздник! Наша власть!

Но борьба только началась. Завозились, почувствовав недобро, Бухаловы, Платоновы, Смирновы и другие барнаульские тузы. Мишка, мясников сыны, теперь сам мясник скользкий краснорожий, остерьгенно хрестя топором по колено — будто не баранину рубил, а недругов своих давних. Йоргмы защитниками интересов

буржуазии оказались ее «социалистические» прихвостни.

7 декабря заседание городской думы собралось на заседание (фракция большевиков полностью отсутствовала) и приняло резолюцию протеста против действий Военно-революционного комитета и о непризнании Советского правительства России. Кучка гласных думы обратилась к населению Барнаула с возвещением — передать всю власть думе на основании, что дума избралась всем населением.

Цаплин, явившийся на заседание думы, именем Военно-революционного комитета отверг притязания думцев на политическую власть.

— Совет, — заявил он, — не отмрет на сибиряках на представителями всего населения, в составе населения имеются представители эксплуататорского класса. Совет выражает интересы трудящихся классов, составляющих громадное большинство населения. Выступая против Советской власти, вы открыто перемещаетесь!

Предупреждение не подействовало.

Буржуазная дума и ее управа, руководимые засло-меньшевиками, совместно с членами распущенного



УСТИНОВИЧ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ,
член губкома партии в 1917 году, начальник
Красной гвардии г. Барнаула.

«Комитета спасения революции» пытались покончить с новой властью путем организации саботажа служащих учреждений. Бастующие служащие подкупали преждевременный выдачей жалованья и другими по-даками.

Преодолевая саботаж чиновников, ВРК Совет приступил к ликвидации буржуазных органов управления, заменив их советскими.

Прежде всего была проведена чистка милиции. Из нее были изгнаны все ненадежные и антисоветские элементы. Милиция стала важной силой в руках Советов.

Старые судебные учреждения прекратили существование. Их место заняло революционный суд.

В январе 1918 года ВРК, выполнив свою функцию, передал все дела управления Барнаульскому Совету, ограничив свою деятельность задачами борьбы с контрреволюцией.

(Продолжение следует).

Советы

Барнаулъ Бийскъ

(Начало в № 291).

3.

Тревожные дни переживал Бийск. Решался вопрос о власти. Меньшевисты, эсеры, запрещенные в крестьянской и солдатской секциях Совета, требовали оставить власть за думой.

— Никакой думы! Вся власть Советам! — категорически заявляли большевики, преобладающие в рабочей секции.

Почти ежедневно, начиная с десятого декабря, проходили бурные пленарные заседания Совета. И только 21 декабря, под давлением рабочих, объединенное собрание приняло большевистскую резолюцию о взятии власти Советом.

Эсеры бросились за поддержкой в гарнизон, но казармы были предупредительно окружены ротой фронтовиков. Гарнизон без единого выстрела перешел на сторону Советов.

Руководство Бийского Совета было перенесено. Во главе исполнительного комитета стал большевик З. Я. Двойных, В Бийске установилась Советская власть.

В начале января Советская власть победила в г. Камне.

В Славгороде Совет взял власть в феврале, в Змеиногорске — в марте 1918 года.

С начала 1918 года Советская власть приходит и в деревню.

Барнаульский Военно-революционный комитет разослал по губерниям директиву об организации в селах и волостях Советов крестьянских депутатов, как единственного законного органа власти на местах.

По селам разъехались большевистские агитаторы, посланные губернским партии. Но не дремали и кузы.

— Из юношеской ищущей самодуши, я вам скажу, почтите казенную выходит! — говорил токаревский мельник, поглядывая вышивавший из-под жилета живот. — Дух перехватывает, вот до чего добрая самодушица!

И, скрепничая, добавлял:

— Время-то лынчевое непадежное, большевики, слышь, крестьянские добрые люди постыдятся норовят. А са-мо-дики, я тебе честно скажу, упо-тельная. Эх-ма, однова живи!

И тянулись на мельницу крестьянские подводы, курились самогонные аппараты из избам да башням. Гуляло село Токаревское, гуляло Титовское. Кулацкие сыны выходили на улицу с «альянсами» — пильное гульбище музыки растрявлялось.

— Братики кровные! — вопил токаревский кулик, пуская слезу. — Етот сучий сын в мой амбарчик подломился, шиеницы цельную пудовку утер!

И ткнул пальцем в сельского бедника Заречного.

— Ого-го! Бей его! Ради его! — за-вопила пьяная толпа.

— Да какой же я вор? — замолкался Заречный, но голос его утонул в диком реве визге. Пьяный угар мутит кулацкие головы. Бедигу запрыгли, как лошадь, в сани и погнали по сельской улице, избивая палками и кнутами, пока он не свалился мертвым.

Зажиточные мужики припрятывали в потайные места царские асигнации и даже керники, надеясь, что вернутся «добрые старые времена». Собираясь тесным кружком, гуто-рили:

— Ежели Мишишка аль Терешки пьяный, его никакой политики не проймешь. Но на что пить Мишишке аль Терешке — одолжи ему пудови-чок, пущай первача науки, сердце возвеселит. А пудови-чок мы с него завсегда вернем, да еще с интересом.

Спавшие кулачье крестьянский люд, раззигало зверские самосуды, чтобы помешать бедноте сплотиться

и оттянуть на свою сторону середняка.

Только Советская власть могла обособить крестьян от кулацкой кабалы, пропавала, анахария, вывешены на драмучей темноты на свет.

И новая жизнь прорывалась алтайские села, как веничия вода прорывается через запруду.

В селе Верх-Камышенко, что в Чумышской волости, собралась группа демобилизованных солдат-фронтовиков. Огонь и воду прошли, пороху ёдоста наложили, большевистскую правду еще в окопах в сердца впитали. А вернулись в село — все по-прежнему: земство верховидит.

Петр Кошелев — суровый, решительный, держал короткую речь:



А. А. СЕЛЕЗНЕВ.

— Мы, товарищи, должны поддерживать Советскую власть, потому, как самая родная нам власть, наша народная. Мы должны проводить в жизнь революционные идеи для достижения полного социализма. А потому предлагаем организовать партийную ячейку, как Ленин учил.

Так возникла партийная ячейка в селе Верх-Камышенко. Демобилизованные солдаты приняли такую резолюцию: «Поддержать Советскую власть как единственную защитницу беднейшего населения от эксплуататоров».

Возвращающиеся из армии солдаты и матросы, сознательные представители бедноты, стали организаторами партийных ячеек и инициаторами создания Советов крестьянских депутатов и в других селах. Алтайская губерния начала покрываться сетью волостных и сельских Советов.

В Появлихе в Совет крестьянских депутатов прошли тверды защитники бедноты. Появлихинский Совет организовал революционный суд, сельскую милицию, начал энергичную борьбу с кулачками и спекулянтами.

Совет села Барнаульского также создал революционный суд, ликвидировал хулиганство, лебошибство и уничтожил производство «самодушия».

Вслед за Барнаульским уездом крестьянские Советы возникли в других уездах Алтайской губернии: Бийском (в него входил Грифский Алтай), Каменском, Славгородском, Змеиногорском.

Крестьянские Советы разгоняли земства и брали управление в свои руки.

27 января в Барнауле начал работать II съезд Советов крестьянских депутатов Алтайской губернии. Народный дом, где проходило заседание съезда, стал ареной ожесточенной борьбы. Правые эсеры и меньшевики пытались увлечь за собой крестьян, пропагандировать свои антисоветские резолюции. По вопросу «О власти» высступило 55 ораторов. Эсер Шапошников — член разогнанного Учредительного собрания — предавал анафему Советской власти, пророчил гибель большевикам и Советам.

Его истерическая речь вызвала гул возмущения. Аккварио выступил на сцене эсерчика сменил на сцене крестьянин в домотканой рубахе и валивших обутках.

— Мы знаем, что хотят этот господин, — сказал он, кивая вслед ушедшему Шапошникову. — Нас и раньше обманывали и натравливали на большевиков, а потом оказалось, что мы все большевики...

Другой выразил настроение трудающихся масл Алтая такими словами:

— Вся власть Советам, кто против нее ополчится, тот встретит солдатский щит, рабочий молот и крестьянские вилы.

Крестьянский съезд принял резолюции, предложенные большевиками. Он потребовал от местных Советов неуклонного проведения в жизнь всех директив и постановлений Советского правительства.

Губернский съезд Советов крестьянских депутатов оформил и закрепил завоевания Советской власти на Алтае. После съезда сформировался Алтайский губернский исполнительный комитет Советов.

Старый мир не уходил без борьбы. Огрязались и скользили побитыми дворнягами эсер-меньшевистские буржуазные газетенки. Вот как оплакивала бийская газета «Алтай» «лишнеги» Петроградской буржуазии: «Директора банков, ранее щеголявшие в костюмах от лучшего портного, теперь ходят по Невскому в смазных сапогах и простой баранковой шапке. Красавицы, блестящие бриллиантами на премиалах и балах, теперь жмутся в трамваях в обыкновенной трудовой шляпичонке».

Но буржуазная печать не ограничивалась плачем по прошлому, она стремилась вернуть его любыми средствами: вплоть до призыва к свержению Советской власти. Волны трудового народа эти зловонные источники клеветы и провокации были закрыты.

В один из дней не вышли на службу учителья барнаульских школ. Так выяснилось, существовавший в городе учительский союз саботировал таким образом мероприятие Совета по демократизации школы. На предложение Совета послать представителей городского учительства в отдел народного образования председатель учительского союза засер Духанин злобно заявил: «Мы пошли своим делегатам не для поискиательной работы по народному образованию, а для политической борьбы внутри Совета. Будем добиваться, чтобы Советы перестали существовать как органы политической власти».

А трудовой люд, несмотря на все козы, с неизысканной жаждой потянулся к знаниям, к культуре. По городу разнеслось, что организуется союз беднейших солдат и женские школы грамоты. Это развернуло свою неутомимую деятельность Елизавета Голубева — вратарь, общественница, коммунистка. Было трогательно видеть, как женщины и вдовы барнаульских пимократов и вдовинок в первый раз в своей жизни — и в долгой человеческой истории —

неумело выводили огрызками карандашей: «Мы не рабы».

Народ не мог ждать, пока вся интеллигенция займет место в общем строю. А лучше представители интеллигенции были с народом. Народ ломал старое, строил новое. Конечно, не обоходилось без ошибок и промахов. Местные учреждения часто копировали работу центральных. Так, Барнаульский Совет создавал свои отделы по образцу Петроградского Совета, что делало его аппарата излишне громоздким.

В Камне исполнок Совета принял название «уездного совнаркома». Под влиянием пробравшихся в совет аристократов, обсуждался вопрос о создании «Каменской уездной федративной Республики». Местные анархисты хотели добиться «независимости» от губернии, чтобы не поставлять продовольствие для центра. Барнаульские большевики помогли каменцам разоблачить и изгнать из Совета аристократов-сепаратистов.

4.

Советская власть приступила к решению труднейшей задачи — строительству новой социалистической экономики. Это огромнейшее дело началось с установления учета и контроля над производством и распределением продуктов. Был установлен рабочий контроль на всех предприятиях, где имелись наименее рабочие. Выборные органы рабочего контроля отвечали за нормальную работу предприятий, проверяли их финансовые состояния, устанавливали минимальные нормы выпуска продукции.

На Алтае рабочий контроль был прежде всего организован на предприятиях Барнаула. Идея рабочего контроля нашла здесь своих энтузиастов в лице членов исполнкома Совета Селезнева и Машкова.

Пимократ Архип Селезнев обещал все промышленные заведения города и разъяснил рабочим суть дела.

Рослого, внешне спокойного и неторопливого Архипа-пимократа знали и уважали весь рабочий Барнаул. Многие помнили его как подпольщика-большевика. После разговора с Селезневым рабочие знали, что и как надо делать.

А столяр Петр Машков, простой, не очень грамотный, оказался прекрасным организатором. Товарищи по исполноку называли его «министрской головой». Этого невысокого, большеголового человека с острыми проницательными глазами болились все барнаульские капиталисты. Он умел разоблачать их хитрые комбинации. При всяких недоразумениях с хозяевами рабочие шли в исполнок к Машкову;

— Разберись, помоги.

Один владелец мастерской отказался платить рабочим зарплату. Платить, что не из чего платить. Вызвал Машкова хозяина и бухгалтера, сам, водя пальцем по колонкам цифр, проверил бухгалтерские книги. Отчерпнул ногтем солидную сумму:

— А это что? Слушайте, по моему голову мне и людям. Вот ваши деньги, немедленно рассчитайтесь с рабочими!

В исполнок, за небольшим столом, сидят Селезнев и Машков. Перед ними Бухалов — владелец пимократской мастерской. Потный, красный, злы. Идет серьезный разговор:

— Гражданин Бухалов, — спрашивает Машков, — почему сворнули работу мастерской?

— Не хватает сырья.

— Рабочие говорят, что сырье вывезли в деревню.

Бухалов издачает. Он не ожидал такой осведомленности.

— Мне это выгодно. Деревенские пимократы работают дешевле,

— А рабочие вашей мастерской могут идти по миру? Это как?

Бухалов вздыхает:

— Мир велик, всех не облагодетельствуешь!

Машков смотрит на Селезнева, тот, скожмав огромные кулаки, медленно произносит:

— Так вот, гражданин благотворитель, если вы немедленно непустите в ход мастерскую, то исполнок конфискует у вас все сырье и распределит по другим мастерским.

— Ваша власть, господа-товарищи. Поладим.

— Думайте. Но сырье мы учтем немедленно. Это сделают ваши рабочие.

(Продолжение следует).

А. Козлов

Советы

Берут хлеб

(Продолжение. Начало в № 291, 294).

Рабочий контроль срывал саботаж капиталистов, их попытки подорвать производство, усилить разрушу. Владельцы механического завода Алеников и Аверин пытались закрыть предприятие. Заводской контрольный комитет не допустил этого. Саботажники были изгнаны, и завод ожил. Через три месяца число рабочих на нем выросло с 30 до 300. Рабочие организовали производство и ремонт сельскохозяйственных орудий.

В конце января 1918 года начал действовать Совет рабочего контроля г. Барнаула — орган государственного регулирования промышленности в масштабе города и отчасти губернии.

Рабочий контроль подготовил условия для национализации промышленности. В феврале 1918 года в ответ на попытки предпринимателей ликвидировать пимокатное производство, Барнаульский Совет национализировал все крупные пимокатные предприятия города.

В Бийске в руки государства перешла фабрика Бородиных — самое крупное текстильное предприятие Алтая.

Внешней собственностью стал речной транспорт и Алтайская железная дорога. Исполкомы Советов допускали бессистемной национализации предприятий и передачи их в собственность отдельных коллективов. Подобного рода «национализацию» пытались проводить некоторые сельские исполнкомы. Они отбирали у кулаков мельницы и передавали их селам и волостям. Новые хозяева запрещали молоть зерно крестьянам других сел, а доходами от мельниц распоряжались по своему усмотрению.

Исполком Барнаульского Совета отменил такие постановления сельских властей и объявлял конфискованные предприятия собственностю государства.

В марте 1918 года Барнаульский Совет опечатал кассы, документы и счета местных отделений коммерческих банков. Это был удар по капиталистическим монополиям.

Советская власть сняла налоговое бремя с неимущего населения.

Но у Советов не хватало денежных средств для финансирования хозяйства. И Советы начали облагать капиталистов единовременными налогами — контрибуциями.

В марте 1918 года Барнаульский Совет наложил на городских капиталистов контрибуцию в 1 миллион рублей. Но владельцы предприятий и торговых фирм не торопились с раскладкой и уплатой контрибуции. Тогда Совет оштрафовал их на 2

миллиона рублей. Часть этих средств предназначалась для культурно-просветительных учреждений.

Революция развивалась вширь и глубью. Она вторгалась в человеческие умы, переуказывала, меняя веками складывавшиеся взгляды на жизнь. Рабочий человек становился хозяином и организатором производства. И он должен был отчлениться от представления свое новое положение. И быть дисциплинированным, и работать в полную силу.

А на предприятиях, нет-нет, да и послышатся разговорчики:

— Наша власть, братаны! Чо горб гнуть? Нам теперича никто не указ!

Это из недавних кустарей и ремесленников лодыри да гордопаны туман на мозги напускали. Перед коммунистами встал первый важнейший вопрос: укрепление сознательной дисциплины и борьба с разрухой.

На собраниях пимокатов часто говорили об этом Архип Селезнев — председатель профсоюза пимокатов. Вот он только что сделал доклад о дисциплине на производстве. Рабочие дружно поддерживают своего председателя. Но вдруг к столу проходит противника — чубатый, саженного роста — детина. Картинно избочняясь, начинает речь:

— Народ триста лет работает изпод палки. Пора ему разогнать спишу, издохнуть свободно. А нас сноша уговаривают: работайте в поте лица, не юдирничайте, следите за дисциплиной! За что боролись, а?

— Правильно! — послышались одиночные голоса, но их властно заглушил общий гул возмущения:

— Холуй буржуазийский! — Саботёр! — Чеши отсюда, орателе!

Оратор-анархист успел и убраться всовсю.

В конце марта 1918 года состоялся I съезд профсоюзов Алтайской губернии. Наибольшее число делегатов посыпало профсоюзы Барнаула и Бийска, объединявшие примерно по 10 тысяч рабочих. Делегаты говорили об улучшении работы предприятий после установления рабочего контроля и национализации ряда фабрик и заводов.

Но сколько еще нерешенных вопросов! Единко дает себя чувствовать безработица — это следствие и общей хозяйственной разрухи, и массового притока демобилизованных солдат. И съезд решает — и первую очередь обеспечить работой демобилизованных.

Не все благополучно с организацией профсоюзов. Сколько их, этих мелких союзов, созданных по узкому цеховому принципу! Профсоюз сапожников, кожевников, кровельщиков, жестянщиков... И нет у этих

мелких союзов ни средств, ни грамотных людей для ведения дел. Такая раздробленность мешала рабочим осуществлять главные общепролетарские задачи.

Съезд профсоюзов высказался за ликвидацию мелких цеховых союзов, за объединение рабочих в крупные производственные профсоюзы.

Съезд избрал губернское бюро профсоюзов во главе с И. В. Присягным.

Создание общего профсоюзного органа способствовало сплочению рабочих Алтайской губернии.

Вскоре после профсоюзного съезда при губисполкоме Советов образовался отдел труда, которому поручалось руководство рабочим контролем, страхованием, охраной труда и борьбой с безработицей. Комиссаром отдела труда стал талантливый организатор, хозяйственник Архип Селезнев.

В мае 1918 года руководство промышленностью и всей экономической жизнью губернии взягвали Алтайский губернский совнархоз.

5.

Земли и леса Алтайского округа стали общенародной собственностью. Весна 1918 года была необычайной. Крестьяне ожидали передела земли. Бедняки — с радостью, кулаки — с тревогой и озабочением.

Землю делили по едокам. Получили земельные наделы и «неуприличенные» крестьяне-переселенцы, которые по старому закону не назделялись землей.

— А нам что теперь остается — с сумой да по миру? — вопили сельские богатеи, потерявшие излишки земли.

— Старым жиром сто лет проживете, — посмеивались бедняки.

Не спалось кулакам в темные весенние ночи — прятали хлеб в риги, в подполь, надежно укрывали в ямах. Тайком чистили ружья и крупно, как на медведя, рубили свинец.

Повалихинский богач Федулов приспел в губисполком с жалобой на «незаконные» действия местного Совета, конфисковавшего его замку и инвентарь. Губисполком признал конфискацию правильной, соответствующей декрету, принятому II Всероссийским съездом Советов и рекомендовал Повалихинскому Совету «передать всю реквизированную землю, инвентарь и постройки рабочим Федулову для ведения хозяйства на коммунистических началах».

Бедняки получили землю. А чем ее обрабатывать? Солнце уже поднялось высоко, прозвисели пропластины, и по ним важно вышитывали черные грани. Земля курилась тер-

ками испарениями в ожидании плуга и семян.

Крестьяне собирались у сельских и волостных Советов, часами затыкали, думая трудные думы. Слышились разговоры: «Советская власть не оставит, подмога нам непременно будет, потому как ни плуга, ни бороны...».

И Советская власть помогла. Губисполком конфисковал машины у торговых фирм и крупных землевладельцев, организовал прокатные пункты, а городские рабочие создали или этих пунктах ремонтные мастерские.

Вскоре от волости к волости посыпались удивительные слухи: приехали в Рубцовскую степь питерские рабочие и зажили коммунистами, и называли они коммуну «Наш путь». И еще появились первые совхозы, а

в конце 1917 — начале 1918 года в Сибирь шли тревожные телеграммы:

«...Сибирские товарищи должны знать, что нам нужен хлеб... Питерские рабочие готовы снять последнюю рабуху, чтобы обменять ее на хлеб... Свердлов...».

«...Центральный Комитет по снабжению и продовольствию армии требует и умоляет принять все меры к отправке мяса, хлеба и фуражи из Сибири...».

«...Товарищи сибиряки! На вас надежда красного Петрограда... Не дайте от голода погибнуть революции и восторжествовать профаузитуру капиталисту...» (из письма птицеловцев сибирякам).

(Продолжение следует).



Митинг в Барнауле на Демидовской площади в первую годовщину свержения самодержавия.

Фото 1918 года.

коенный завод, национализированный у каменского миллиардера Винокурова, превращен в государственное племенное хозяйство.

Но колективные хозяйства не получили в то время большого развития. Не было опыта. Отсутствовали необходимые условия перехода к колхозификации, прежде всего индустриальная база.

Отселялись неплохо. Кто попрорвался — успел заготовить лесу на новые избы вместо прежних забавлюх. Жизнь вроде ладно складывалась. Но все явственное чувствовалось, что это — предгрозовое затишье.

Над молодой Советской страной нависала мрачная тень голода. Год под падался на Петроград и Москву, на промышленные районы центра. Контрреволюция рассчитывала задушить голодом Советскую власть.

Судьбу настоящего и будущего решал хлеб. И взоры страны обратились к Сибири. Только одна Алтайская губерния имела до 100 миллионов пудов хлеба от урожая 1917 года. Но его надо было заготовить и вывезти за Урал.

А. Козлов

Советы берут власть

(Окончание. Начало в № 291, 294, 295.)

Барнаульский Совет установил непосредственную связь с Советами Шуи и других городов Иваново-Кинешемского района. Началась отправка хлеба из этих города. Текстильщики Шуи и Иванова в обмен на хлеб отправляли на Алтай вагоны с мануфактурой.

Из Славгорода и других районов шли составы с продовольствием в Москву и Петроград.

Но весной 1918 года продовольственное положение республики резко ухудшилось. Хлебные житницы страны — Украина и Северный Кавказ — оказались под властью германских оккупантов и белогвардейцев.

Страна могла взять хлеб, главным образом, в Западной Сибири, на Алтае. Правительство направило в Сибирь более половины товарного фонда для обмена на хлеб.

Решение приняли небольшим большинством. Когда подсчитали

итоги кулаки почувствовали свою силу. Ведь главная масса хлеба — в их руках. Кулаки амбары ломились от зерна. В Славгородском уезде у многих батогов хлеб лежал в скирдах по 4-5 лет.

Кулаки отказывались сдавать хлеб даже в обмен на промышленные товары. Его сгравливали скоту, сбывали спекулянтам, перегоняли на самогонку. Милиция и революционные суды не спрашивали с дедами о самогонщиках. Кулаки усиленно обрабатывали середняков:

— Попридержите, мужики, хлеб. Деньги — бумажки. Товару у большихиков — тю-тю. Нету. А что есть, отдадут голодранцам.

В кооперативных союзах, через которые велись заготовки, сплели эсеры и меньшевики. Они втихомолку поощряли кулакий саботаж. Товары из обменного фонда сплавляли спекулянтам, скучавшим хлеб у крестьян. В деревню хлынули скунщики, торговцы-мешочники, они под-

рывали хлебную монополию. Стихи наложены захватывала крестьян, имевших товарный хлеб. Постановление губисполкома об обязательной сдаче излишков хлеба срывалось.

Эсеры с пеной у рта кричали:

— Алтайская губерния не расплодятся излишками хлеба! Чтобы сорвать заготовки, они использовали обходные пути, протаскивая через продовольственные узлы и даже стезды крестьянских Советов постановления о непомерно высоких нормах потребления продовольствия на местах.

На уездном съезде Советов крестьянских депутатов, проходившем в Барнауле в начале апреля 1918 года, была утверждена месячная норма потребления хлеба в деревне — два пуда муки на едока. Кроме того, съезд принял завышенные нормы фуражка для корма скота — лошадей, коров, овец, свиней, птиц.

Закончился съезд.

В деревне были поставлены задачи: в

залах поднялся невероятный шум, ругань, раздались негодящие возгласы:

— Позор! Протестуй, протестуй!

Что скажет Россия, когда узнает об этой норме?

— Обкорни!

— В Петрограде рабочие получают восемьушку хлеба с мякиной.

Бывший фронтовик, не привыкший выступать на собраниях, прописалась вперед:

— К вам, товарищи солдаты, обращаюсь — начал он прерываясь от волнения голосом. — Вы сидите в окопах! Вы видели нужду и голод! Как же вы теперь обременяете людей на голодную смерть? Два пуда на человека? Да столько в месяц не съест никто, даже самый пузатый буржуй!

Снова прописалась голосовать. В конце концов норму несколько уменьшили — полтора пуда на человека.

В эти дни в Барнауле, по поручению Совнаркома, прибыл чрезвычайный комиссар по продовольствию в Сибири — А. Г. Штихтер. На совещании в губисполкоме народный комиссар рассказал о тяжелом положении в деревне из-за недовольства населения и взысканий с деревеньской администрации.

Заколебался серединка, недовольный запрещением свободной торговли и твердыми цепями на хлеб. Кулаки склонили серединку на свою сторону. Соотношение классовых сил в деревне изменилось не в пользу Советской власти.

На улицах Барнаула заселенели тополя. Приближалось лето 1918 года, жаркое и сухое. Видис Лапис забросил книгу. Целыми днями он пропадал на оби. Или, забравшись на гору, садился на край обрыва спиной к кладбищу, и подолгу любовался могучей рекой и бесконечными просторами Западной Сибири.

Огромная река, пароходы, баржи, лодки, стаи чаек над отмелями напоминали о море.

Вместе с дружинами — русскими мальчишками — ловил изымающие по реке бревна, пробирался на пассажирские пароходы, обследуя их от машинного отделения до капитанского мостика.

На городских улицах и площадях, в народной толче, Видис жаждо впитывал впечатления, которые передаст после в своем романе.

В праздничные дни на «пятячке» у Петропавловского собора с утра до ночи толпились мещане, торговцы, заняточные кустари, служа-

щие. Видис слышал, как они, собравшись кучками, ругали Советскую власть, на чем свет поносили рабочих, особенно красногвардейцев.

Доносились обрывки тихо произносимых фраз: «Совдепникам скоро того — крышка», «Совзники помогут».

Контрреволюция спланировалась и пагадела. Кадеты, сибирские областники-сепаратисты, горноалтайские националисты, меньшевики, эсеры, забытые о прежних разногласиях, сходились в главном — в лютой ненависти к Советской власти. Барнаульские меньшевики и эсеры развернули бешенную кампанию против Брестского мира. Меньшевики Спектрской на собрании союза горнодобывающих служащих истощенно вопили:

— Мир с Германией — предательство интересов мирового пролетариата! Это не предыдышка, аальная капитуляция. Надо передать власть демократии, которая организует всенародное ополнение и вызволит страну.

Эсер Шапошников побывал в деревне обстрелялась. Кулаки хватались за оружие.

«Большевики хотят насилиственным способом ввести социализм... Для социализма в России нет почвы. 80 процентов населения даже не понимают этого слова...»

После такого «теоретического» вступления оратор делал открытый вывод: «Не надо мешать капиталистам вести их частные дела».

В трехсекущих речах этих политиков так и сквозила тоска по капитализму.

Чуть не каждый день устраивались крестные ходы в барнаульских церквях. На городские улицы выходили мрачные процессы с хоругвями и иконами. Попы настраивали темную массу верующих против «бездыханных большевиков». Под угрюмыми сводами храмов слышались их замогильные голоса:

«Забыли мы бога, и бот отступился от нас. Гнев божий открылся над нашей страной, и меч его уже занесен над нашим народом. Принесен покаянную молитву в грехах наших...»

В Барнауле появилось много новых лиц, одетых в гражданское платье мужчин с явно военной выправкой. Это были изгнанные солдатами из армии офицеры-контрреволюционеры.

Господа — бывшие офицеры — держались в тени, старались быть незаметными. Мало говорили, но энергично действовали. Они тайно сговаривались между собой, собирали оружие, формировали подпольные дружины, ждали сигнала для организованного антисоветского выступления.

Весь о высадке японского десан-

та во Владивостоке воодушевила все антисоветское отребье. Обстановка в Барнауле стала напряженной.

12 апреля военно-революционный комитет ввел в Барнауле военное положение. Под угрозой применения вооруженной силы запрещались всякие сходки, собрания, в том числе и крестные ходы. Рабочие усилили охрану Совета и других учреждений.

Красная гвардия Барнаула была приведена в боевую готовность. В ряде мест губерния вспыхивали мятежи. 18 апреля в Бийске толпа зажигательных мещан, вооруженных дублем и образами, напала на члена Бийского Совета большевика Ф. И. Фомченко. Он был смертельно ранен перед зданием, где заседал Совет. Поднятые по тревоге красногвардейцы рассеяли толпу. Красная гвардия Барнаула, Бийска и других городов бдительно следила свою боевую службу. После демобилизации солдат Барнаульского и других гарнизонов она явилась основной вооруженной опорой Советов Алтая.

День 1 мая 1918 года в Барнауле явился настоящим смотром боевых сил революции.

«Наступил Первый май. В этот день на обширной поляне за городом состоялся большой митинг, в котором участвовали тысячи людей. Кроме жителей Барнаула и беженцев из западных окраин России, на митинг явился военнопленный — венгер. Произнесли зажигательные речи на разных языках и пели военные песни. Героями для оказались латышские стрелки, несколько дней назад появившиеся в Барнауле и смотревшие за порядком в городе и на митинге...» (Видис Лапис «Семьи Знтаров»).

После 1 мая латышские стрелки — хорошо вооруженная и закаленная в боях стража революции — были отозваны из Барнаула. Через несколько дней Барнаул прощался со своими красногвардейцами.

16 мая большой сводный отряд Барнаульской Красной гвардии погрузился в вагоны и выехал на Забайкальский фронт сражаться с контрреволюционными бандами атамана Семёнова. В эти же дни на Барнаул с семеновцами отбыли отряды бийских, каменских и славгородских красногвардейцев.

На местах остались небольшие, слабо вооруженные красногвардейские отряды.

25 мая 1918 года начался антисоветский мятеж чехословацкого корпуса по всей Транссибирской магистрали. Выступление белочехов явилось сигналом для внутренней контрреволюции. Красная гвардия Алтая вступила в неравный бой с врагами.



ЕЛИЗАВЕТА КОНСТАНТИНОВНА ГОЛУБЕВА — врач по профессии, активная большевичка, организатор работы среди женщин в первые годы Советской власти.